

К вечеру сражение практически завершилось. Хотя армия Хуэрчи местами и оказывала разрозненное сопротивление, войска императора Сянь уже по большей части установили контроль над городом. С наступлением сумерек ханьские воины принялись зачищать остатки сил противника. В этом бою армия Хуэрчи понесла огромные потери, более пяти тысяч человек было взято в плен. Ли Сянь успешно добился своего первого значимого результата.

Вечерний ветер, принесший запах крови, пронесся над городом. Всюду сияли огни, и город переполняла радость победы.

В лагере доносились тосты и аппетитный аромат жареного мяса; люди, собравшиеся у костров, возбужденно обсуждали свой первый успех. Ли Сянь в одиночку покинул шумную толпу и вернулся в свою палатку. Свет свечи отбрасывал его силуэт на полотно, а неровные блики пламени рождали ощущение какой-то нереальности происходящего.

Последние полгода каждый вечер в это время он в тишине слушал гулкий звон колокола монастыря Шаолинь, чей протяжный звук долго разносился над горами и полями. Монахи заканчивали вечернюю службу, и монастырь Шаолинь под звездным небом погружался в сон, и лишь мириады звезд безмолвно взирали на мечты всех живых существ. В этой тишине он наслаждался душевным покоем и безмятежностью, прислушиваясь к тому, как неторопливо течет время.

Кто бы мог подумать, что всего за несколько дней он снова вернется в этот грязный мир борьбы за власть, где сам стал режиссером кровавых расправ.

Веселые песни и смех продолжали проникать в палатку, нарушая единственное доступное ему спокойствие. Ли Сянь понимал, чему они радуются, но сам никак не мог разделить их чувств. Он вспомнил густой запах крови, наполнивший улицы и переулки города, когда они вошли в него. Вспомнил, что первым, кого он увидел среди тел вражеских солдат, был четырнадцатипятилетний мальчишка, а на его глазах застыли последние слезы. Смена роли с жертвы и раба на убийцу и рабовладельца — разница лишь в том, чью жизнь отнимают. Самооборона — вынужденный выбор, но праздновать убийство он просто не мог.

Возможно, я слишком долго жил в монастыре Шаолинь, раз даже начал принимать идею о равенстве всех живых существ.

Уголки губ Ли Сяня тронула горькая усмешка, похожая на самоиронию. В так называемой войне истинными победителями всегда становятся лишь те, кто стоит наверху, а платить кровью и слезами вечно приходится невинным простолюдинам. Верно ли это — ради защиты своего народа вырезать народ чужой?

— О чем задумался? — внезапно чьи-то руки бесшумно легли ему на плечи и крепко обняли. — В такую холодную погоду ты одет так легко и стоишь, погруженный в пустоту. Смотри, твое тело совсем оледенело.

К удивлению Ли Сяня, он не стал вырываться. От места прикосновения к нему переходило

тепло. Даже зная, что человек, дарящий эту нежность, — тот, кому нельзя доверять, Ли Сянь все же впитал это тепло, проникшее в самую глубину души.

Когда человек встревожен, жажда тепла оказывается такой сильной. Настолько сильной, что это поразило его самого.

— Я вспоминал те дни, когда был императором. Раньше я думал, что если следовать наставлениям учителей, данным в детстве, можно стать хорошим правителем. Но стандарты добра и зла не применимы к императорам. Поэтому любая жертва казалась необходимой, включая убийства.

— А сейчас? Ты считаешь убийства ненужными?

— Нужными, но от этого сердце болит. Есть вещи, которые я могу и должен делать, но это не значит, что мне это нравится. Чувства — порой очень обременительная штука.

— Почему же? Мне нравится ты, и я не считаю это обременительным. А то, что ты меня любишь, радует меня еще больше.

— Ну ты даешь... — Ли Сянь тихо вздохнул. — Если не считать твоего бесстыдства и несерьезности, тебя вполне можно назвать великим героем.

— А если прибавить? — усмехнулся Чу Илань. — Я очень надеюсь, что ответом будет — тот, кого я люблю.

Ли Сянь медленно обернулся и с легким замешательством в глазах посмотрел на Чу Иланя. Он попытался найти в этом красивом взгляде хотя бы отголосок истинных чувств, но снова был разочарован. Глаза, полные улыбки, смотрели на него с пылкостью любовника, но казалось, что за этим скрывается что-то более глубокое. В этом мерцающем блеске было теплое чувство, но вместе с тем проступали холод и жадность.

Чу Илань, какой ты человек на самом деле?

Ли Сяня охватила необъяснимая дрожь. Чу Илань незаметно для него самого изучил его характер, его мысли, его суть, тогда как сам он оставался для Ли Сяня полной загадкой.

Каким будет окончательный ответ?

Когда Чу Илань осторожно, словно испытывая почву, коснулся его губ поцелуем, Ли Сянь не стал сопротивляться.

Этот поцелуй отличался от двух предыдущих: в нем не было властной настойчивости или

яростного порыва к захвату. Медленный, теплый — он проникал глубоко в сердце, постепенно растапливая все его внутренние барьеры. Ловкий язык не вторгался вглубь рта, лишь теплые, чувственные губы ласкали его, а затем поцелуи легко опустились на щеки, лоб и уголки глаз.

— Тебе не нужно заставлять себя быть тем хорошим императором, о котором твердили учителя. Будь собой, делай то, что хочешь, будь тем свободным и безрассудным Ли Сянем, которого я люблю. Все дурные дела я возьму на себя.

Тихий, нежный голос, прозвучавший над самым ухом, обладал неотвратимой магией. Что именно соблазнило его: этот низкий, ласковый тембр или слова понимания и утешения?

Одиночество не так страшно, страшно — быть непонятым. Одиночество — это жизнь в одиночку, но отсутствие родственной души, с которой можно общаться, гораздо хуже. Десять лет жизни Ли Сяня, к несчастью, сочетали в себе и то, и другое. Он не боялся одиночества, но порой, глядя в глубокой ночи на сияние звезд, чувствовал, как холодный свет озаряет его тоску.

В одно мгновение он снял защиту перед Чу Иланем, обнажив свою уязвимость и позволив себе заблудиться в чужой любви и заботе.

Даже если это была лишь мимолетная прекрасная иллюзия, ее хватило, чтобы освежить воспоминания о давно забытом тепле.

Выйдя из шатра Ли Сяня, Чу Илань обнаружил своего подчиненного Чэнь Пина, который с несколькими воинами осматривался неподалеку. Увидев его, Чэнь Пин с облегчением выдохнул и наконец отпустил руку, сжимавшую эфес меча. Когда Чу Илань спросил, что он здесь делает, тот склонился и ответил:

— Господин долго не выходил, и я начал беспокоиться.

— Беспокоиться? — Чу Илань усмехнулся. — Он не умеет сражаться, что он мог мне сделать?

— Как знать. Император Сянь жесток и хитер, к тому же обладает острым умом. Нельзя терять бдительность.

Чэнь Пин опустил голову. Его молодое лицо было искажено болью, прикушенная губа и широко открытые глаза выдавали его внутреннее состояние. Чу Илань знал, что многие его подчиненные ненавидят Ли Сяня. За время правления Ли Сяня многие сторонники Чу Иланя, оставшиеся в столице, и немало чиновников, лояльных ему, были безжалостно казнены, некоторые — вместе со всеми семьями. Чу Иланя тоже поражало, что человек, который умел спокойно проводить дни, потягивая вино в лунном свете, обладал такой решительностью правителя, и в чем-то он даже завидовал этому. Однако он не собирался пресекать ненависть своих людей к Ли Сяню. До тех пор, пока это не мешает войне, это было необходимо.

— Чэнь Пин, у тебя когда-нибудь были питомцы?

Хотя Чэнь Пин удивился столь неуместному вопросу, он честно покачал головой.

— А я... когда-то любил одного человека и приложил много сил, чтобы сделать его своим питомцем. Но я не ожидал, что эта бездомная собака окажется породистым зверем с благородной кровью. В итоге из-за моей беспечности я получил от него жестокий укус. Я могу уничтожить непослушного питомца, но лучшая месть — полностью приручить его, втоптав его гордость в пыль.

Чэнь Пин в изумлении смотрел на него, губы его дрожали, но он не знал, что сказать.

— На самом деле все просто. Его слабости были так очевидны, не понимаю, почему я не заметил этого раньше.

Чу Илань склонил голову набок, на его лице застыла холодная улыбка. Вечерний ветер развеивал его черные волосы, пряди скользили по щекам, и при свете яркой луны его улыбка казалась по-настоящему пугающей.

Чэнь Пин внезапно содрогнулся.

Все дурные дела я возьму на себя.

Как и сказал сам Чу Илань, на следующий день, не спросив согласия Ли Сяня, он отдал приказ казнить всех пять тысяч пленных.

Когда пришло известие, Чэн Линся, дергая его за рукав, сказал, что ненавидит Чу Иланя. А Ли Сянь... он лишь горько усмехнулся.

Если бы решение принимал он, он без колебаний отдал бы тот же самый приказ. А потом, в ночной тишине, молча страдал бы от крови на своих руках.

Он не был таким безупречным, как Чэн Линся, и у него не было права осуждать действия Чу Иланя.

Армия Хуэрчи испокон веков кочевала в степях, была сильна в конной стрельбе, но не умела держать осаду. Войска Ли Сяня, двигаясь на север, один за другим захватили несколько городов и оттеснили главные силы Хуэрчи к Городу Хуалян, расположенному к северу от Желтой реки. Город Хуалян был укрепленным, с достаточным гарнизоном и выгодой своего расположения в горах, что делало его крайне сложным для штурма. Армия Сянь временно прекратила наступление и остановилась в десяти ли от города на отдых, готовясь к осаде.

Приближалась зима, полуденное солнце почти не грело, а воздух стал обжигающе холодным.

Ли Сянь смотрел вдаль на Город Хуалян и размышлял о только что прошедшем военном совете. Большинство генералов выступали за то, чтобы мастера боевых искусств, обладающие невероятной техникой легкого веса, первыми прорвались в город и открыли ворота для основной армии. Чу Илань молча слушал, не высказывая мнения.

Ли Сянь был единственным, кто возразил. Мало того, что стены Города Хуалян высоки и неприступны, даже мастер легкого веса не факт, что сможет пробиться сквозь ряды стражи и открыть ворота. А если даже и сможет — прямое столкновение с армией Хуэрчи внутри города приведет к тяжелым потерям. К тому же этот метод уже не раз использовался, и враг наверняка был готов к такому повороту.

В ответ он встретил лишь откровенную неприязнь, никто не поддержал его опасений.

Глядя на уходящие за горизонт горные хребты, Ли Сянь тяжело вздохнул. Он давно понимал, что в армии он лишь номинальный император, но не ожидал, что подчиненные Чу Иланя будут так его ненавидеть. Его печалило не личное унижение — он никогда не стремился к роскоши и славе. Его втянули в эту борьбу, чтобы отбить армию Хуэрчи и спасти империю Хань. Но если зимой не удастся взять Город Хуалян, придется отступить на юг и пытаться снова весной. К тому времени у Хуэрчи наверняка появится подкрепление, а боевой дух ханьской армии упадет. Последствия будут плачевными!

— Почему ты вздыхаешь в одиночестве? — Неизвестно когда, но Чу Илань уже бесшумно встал за его спиной. — Вiniшь меня в том, что я не защитил тебя?

Ли Сянь обернулся:

— Я не настолько мелочен. Раз совет постановил так, то, что ты встал на сторону своих людей, — не повод для упреков. Я беспокоюсь об этой битве. Скажи по совести, неужели я не прав?

— Прав. Но мы не можем просто бездействовать и осаждать город вечно.

— Но нельзя же и наступать безрассудно! Неужели тебе все равно, если мы проиграем?

— Конечно, нет. Но как, по-твоему, мы можем победить?

— Конечно, выманить армию Хуэрчи за стены... — Ли Сяня внезапно осенило, он широко открыл глаза. — Ты хочешь имитировать поражение?

Чу Илань улыбнулся и кивнул:

— Верно. Но давай пока оставим это. Прибыли гости, пойдем встретимся с ними.

Что за гости могли быть такими важными, чтобы они оба пошли их встречать? Ли Сянь на мгновение задумался, хлопнул в ладоши и улыбнулся:

— Понял. Это вернулись люди, которых ты посылал убить императора Ле.

Чу Илань взял озябшие руки Ли Сяня и, поднеся их к губам, начал согревать своим дыханием, растирая пальцы. Хотя грелись руки, лицо Ли Сяня невольно вспыхнуло.

— Что ты делаешь? А если кто увидит?

— Тогда мы просто открыто поженимся.

— Чепуха, где это видано, чтобы двое мужчин женились?

— Если двое мужчин любят друг друга, почему они не могут пожениться? Ты тоже такой косный и цепляешься за мирские обычаи? — На губах Чу Иланя заиграла лучезарная улыбка с примесью иронии.

— Бесстыдник, кто тебя любит? — проворчал он, но руки так и не отнял. Это тепло в холодную погоду было таким желанным. Он поднял взгляд — даже солнце, проглядывающее сквозь белесую дымку, на мгновение показалось ослепительным.

— Император Ле — твой единокровный брат, тебе совсем не жаль, что он погиб? — спросил Чу Илань.

Ли Сянь тихо вздохнул и отнял руки:

— В императорской семье с самого рождения все братья — враги. Откуда взяться родственным чувствам? Если бы в день свадьбы я выпил ту чашу с ядом, сейчас даже не знал бы, где лежат мои кости. Что великий брат, что второй брат десять лет назад — когда они захватывали власть и пытались убить меня, кто из них думал о братстве? Если я не убью, убьют меня. Иначе как выжить? Эй, что ты делаешь...

Он не успел договорить, как его правую руку резко потянули, и тело оказалось в объятиях Чу Иланя. Тепло человеческого тела мгновенно распространилось по всему организму.

— Мне не нравится твой печальный тон. С этого момента тебя буду любить я.

Губы, коснувшиеся уха, тихо произнесли клятву, не допускающую отказа.

— Отныне не смей пить в одиночестве под холодной луной. Такое печальное одиночество тебе больше не нужно. Я разведу жаркий костер, согрею кувшин вина и буду вместе с тобой любоваться луной. И не смей говорить, что хочешь уйти от людей и жить в уединении. Там, где ты, буду и я.

Какой властный человек... Ты хочешь забрать даже мое свободное сердце?

На губах Ли Сяня медленно расцвела счастливая улыбка, и даже его обычное лицо стало ослепительным.

Можно ли верить? Можно ли действительно верить в такую клятву, заставившую мое сердце дрогнуть?

Даже если ее произнес такой хитрец, как ты? Даже если я прекрасно понимаю, что, сбросив твердую оболочку, я лишаюсь щита? Даже если знаю, что это может быть лишь еще одной красивой ложью в паутине лживого мира?

Но... это тепло почему-то тронуло меня до глубины души...

— Что вы здесь делаете?

Знакомый голос за спиной вернул Ли Сяня к реальности. Он в смущении оттолкнул Чу Иланя и, обернувшись, в следующее мгновение расцвел улыбкой, словно раскрывающийся хризантемный бутон.

Перед ним стоял Ли Синьтянь, от которого так долго не было вестей!

Не прошло и года, как ребенок, оставшийся в памяти, повзрослел. Тот мальчик, едва достававший ему до плеча, теперь смотрел с ним на одном уровне. На лице, еще не совсем утратившем детские черты, прибавилось суровости, но надутые губы все так же выдавали привычку капризничать.

— Это слишком! Я рисковал жизнью, чтобы убить императора Ле, проделал такой путь обратно, а ты заставляешь меня ждать в палатке, пока сам здесь обнимаешься с кем-то! — Думая, что Ли Синьтянь и Чу Илань при встрече немедленно сцепятся, Ли Сянь удивился: тот лишь мельком взглянул на врага, фыркнул и быстро подошел к Ли Сяню, по-хозяйски взяв его под руку. — Почему ты стал так близок с этим типом?

— Называть старшего так — довольно невежливо, — Чу Илань пожал плечами, улыбаясь. — Как-никак, я твой родной дядя.

Дядя?! Ли Сянь с изумлением смотрел на них двоих. Чу Илань по-прежнему загадочно улыбался, а Ли Синьтянь, опустив голову, спустя долгое время кивнул и тихо сказал:

— Идемте в палатку, там тебя ждут еще двое. И странностей сегодня будет больше, чем одна.

В палатке сидели двое мужчин. Одетый во все белое мужчина с милой улыбкой прислонился к широкой груди, но, услышав шаги снаружи, неохотно поднял голову, явив миру ослепительно прекрасное лицо.

Один — очаровательный и грациозный, чистый и неземной, как лотос, другой — самый обычный, с гордым и своенравным выражением на лице. Казалось бы, небо и земля, но черты их лиц были пугающе схожи, в точности так, как и говорил Чу Илань.

— Ты — тот самый человек? — спросил Ли Сянь.

Красивый мужчина улыбнулся и кивнул, его взгляд при этом не покидал мужчину рядом. В его глазах отражался только любимый человек.

— И левый защитник секты Демонов Жо Лицзюнь, — сказал Ли Сянь. — А этот господин рядом — глава секты Демонов?

Высокий мужчина, который до сих пор не отрывался от своего возлюбленного, наконец поднял голову. Тот мягкий взгляд, что был секунду назад, стал пронзительно острым. На мгновение проявился дух истинного правителя, властный и могучий.

— Ты узнал меня? — спросил он низким голосом.

Ли Сянь покачал головой:

— Мне не посчастливилось быть знакомым. Но кто в Поднебесной обладает мастерством, достаточным для убийства императора Ле, и удостоился внимания левого защитника секты Демонов? Я просто предположил. Прошу прощения, как ваше имя?

Он никогда не интересовался делами мира боевых искусств, поэтому, даже догадываясь, кто перед ним, не знал имени прославленного главы секты.

Мужчина фыркнул и кратко бросил:

— Бай Уцзи.

Бай Уцзи: до двадцати пяти лет он странствовал по миру боевых искусств, совершил множество убийств, но после двадцати пяти, познав любовь, отошел от дел и наслаждался жизнью со своим возлюбленным, а секта Демонов исчезла из вида. Все это Ли Сянь позже узнает от Чу Иланя. А вот историю любви Бай Уцзи и Жо Лицзюня он так и не узнает никогда.

— А откуда ты узнал, кто я такой? Чу Илань рассказал? — Жо Лицзюнь улыбнулся. — Это нехорошо, он обещал мне не говорить.

— Не он, — Ли Сянь покачал головой. — Когда я практиковал Меч Грома, который ты мне передал, меня однажды приняли за левого защитника секты Демонов Жо Лицзюня. А потом я узнал, что в твоём имени есть иероглиф «Ли». Сопоставив эти совпадения, я догадался.

Ли Сянь поправил халат и опустился на колени:

— За спасение моей жизни и десять лет воспитания Ли Сянь обязательно оплатит в будущем.

— Не надо так, Сянь-эр, вставай, — Жо Лицзюнь бросился к нему, чтобы поднять, но Ли Сянь ловко уклонился. Глядя на этого прекрасного человека, он видел за его юным лицом мудрые глаза, не соответствующие возрасту. В них скрывался глубокий свет, и Ли Сянь не мог определить его возраст, но про себя посчитал: раз тот растил его столько лет, значит, ему не меньше тридцати. Вопрос, который годами мучил его сердце, стал ещё острее: почему он рискнул спасти незнакомца и почему растил его десять лет? И ещё... эти схожие черты лиц...

Он молча смотрел на него, безмолвно задавая вопрос.

Жо Лицзюнь беспомощно вздохнул:

— Хорошо, вставай. Я расскажу тебе. Твой отец-император был моим старшим братом.

<http://bllate.org/book/21139/2144073>